

Эдуард
ТОПОЛЬ

*На краю
стою*

Эдуард Тополь

На краю стою

«Эдуард Тополь»

2005, 2006, 2008

Тополь Э. В.

На краю стою / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 2005, 2006, 2008

ISBN 978-5-17-056198-8

Новая повесть известного писателя Эдуарда Тополя «На краю стою» легла в основу полнометражного художественного фильма, над которым Эдуард Тополь работал в роли не только автора сценария, но еще и продюсера и сорежиссера. В главных ролях этого фильма снялись Артур Смольянинов, Светлана Устинова и другие молодые актеры. В книгу вошли также повести «Ангел с небес», «Пластит», «Любовь с первого взгляда».

ISBN 978-5-17-056198-8

© Тополь Э. В., 2005, 2006, 2008
© Эдуард Тополь, 2005, 2006, 2008

Содержание

На краю стою	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдуард Тополь

На краю стою

Повести для киноэкрана

На краю стою

Повесть о настоящей любви и настоящем мужчине

*Любовь не знает границ. Только пограничников.
Из фольклора*

Она всегда отвечала негромко и нехотя, потому что устала повторять ему то, что они оба прекрасно знали.

– Нет, первый раз я так боялась, что, кроме страха, ничего не чувствовала. Честно. Зато потом... Особенно когда тебе дали первый отпуск. Помнишь? Сразу после свадьбы тебя вызвали – была какая-то тревога, какой-то сигнал про большую партию наркоты. И тебя не было две недели. А потом... потом ты приехал – в пять утра, весь какой-то прокопченный, пыльный, небритый. И набросился на меня прямо в прихожей. Прямо в прихожей схватил, прижал к стене, поднял на руки и... Вломился как таран! Целовал и вбивал в стенку так – я думала: Господи, сейчас дом развалится, соседи ментов вызовут...

Но по ходу рассказа воспоминания заводили ее, голос садился и уходил куда-то вглубь – туда, откуда они, все женщины мира, черпают чувственность и умопомрачение самых сакральных минут своей жизни.

А он...

Сидя напротив нее за полутемным кухонным столиком, он уже видел совсем другое: Памир и беспощадно ослепительное солнце, обжигающее – нет, не обжигающее, а буквально жальщее глаза и кожу, как рой безжалостных пчел, от которых некуда деться. Плюс шестьдесят в тени, но откуда взяться тени, когда ты стоишь на посту, на вышке среди скал и горных кражей, раскаленных так, словно сам Всевышний готовится изжарить на этих камнях твои мозги, печень и душу. И в этом пекле на тебе армейский камуфляж, тяжелые ботинки, подвески боезапаса, рация, бинокль и, конечно, «АК-47». Ты торчишь на этой вышке, как кусок мяса на острие шампура, а под тобой – ну совсем рядом, каких-нибудь триста метров вниз – ледяной поток горной реки Бричулы и змея дороги в Китай и Афганистан. Гюльфара – крохотная среднеазиатская республика, на любой карте не больше копейки – втиснута, как колышек, между Китаем, Таджикистаном и Афганистаном. Кажется: на кой ляд им, российским пограницам, жить тут, в развалинах древней крепости Чирчулак, наскоро оборудованной под казарму и блокпост, и охранять границу какой-то азиатской Гюльфары в горах Бадахшана? Но ляд, то есть смысл, есть. Именно через Гюльфару катят из Афгана в Европу тонны наркоты – да, да, не килограммы, не пуды, а именно тонны героина, гашиша, опиума и прочей дури. И ты, стоя на вышке, должен еще издали высмотреть (или учуять нутром), в какой из этих огромных фур, которые, кроша в пыль щебенку горной дороги, с ревом взбираются сейчас к твоему блокпосту на Бричулинском перевале, – в какой из них очередная партия.

Андрей был гением такого сыска. Ошупывая в бинокль каждую колонну и каждую фуру от кабины до колес, он нутром угадывал, где значен контрабандный груз. И по рации сообщал Власову:

– Первый, первый! Я пятый. Встречай гостей.

«Первый», то есть майор Власов, начальник погранзаставы, был всего на три года старше Андрея, контрактника с трехлетним стажем, и потому они были на ты. Майор выходил к шлагбауму, поднимал руку, и колонна тяжелых фур послушно тормозила на мосту через Бричулу.

– Глуши моторы! – кричал майор водителям, и те покорно глушили.

В наступившей тишине Власов, отвернувшись от облака пыли, переждал, пока ветер отнесет это облако в сторону долины, откуда чабан Файзи гнал к перевалу свою тощую отару каракульских овец.

Андрей спускался с вышки, шел к майору.

Там, у КПП, открыв кабину переднего грузовика, водитель-китаец сверху вниз приветствовал майора:

– Салам алейкум, камрат офицер!

– Ага, – говорил Власов. – Что везем?

– Телевизор «Самсунг», камрат офицер!

– Сколько?

– Много-много, камрат офицер!

– И куда едем?

– Далеко, камрат офицер. Ошен далеко. На Урал.

– Документы.

Сидевший рядом с водителем лысый здоровяк передал водителю пачку накладных и паспортов, тот протянул их майору.

Майор изучал документы, паспорта водителей и сопровождающих груз.

Сидя в своих кабинах, водители и сопровождающие напряженно ждали.

Лысый щелчком выбил сигарету из пачки «Мальборо», чиркнул зажигалкой, но зажигалка не зажглась, и он нервно чирнул снова.

Майор засек это и приказал китайцу:

– Открывай.

Китаец со вздохом прыгнул из кабины, обошел фуру, ключом открыл запертую заднюю дверь.

Отара Файзи вышла на мост и зацокала копытами в сторону Китая. Чабан на ходу приложил правую руку к сердцу – по-восточному поприветствовал майора.

– Опять в Китай? – сказал майор.

– А что делат? – вздохнул чабан. – Каракульчи, сам видиш, как собаки, худые.

Действительно, в Бричуле все пастбища уже выгорели под этим зверским солнцем, а в Китае на летниках – летних пастбищах в горах – еще видны обширные пятна зеленой травы. Чабан прогнал своих овец через мост, и Андрей, переждав отару, подошел к майору, вместе с ним заглянул в фуру. Там от пола до потолка ровными рядами высились картонные ящики с заводской маркировкой «SAMSUNG. TV-set 17 inches. Made in China».

Майор почесал в затылке.

– Будиш вытаскиват? – спросил китаец.

Майор искоса глянул на Андрея.

Андрей едва заметным кивком показал вперед, и майор отдал китайцу документы.

– Езжай!

– Спасибо, камрат офицер! – обрадовался тот, торопливо запер фуру и побежал в кабину.

Остальные водители с облегчением завели моторы, и колонна тронулась, с ревом покатила мимо Власова и Андрея, накрыв их облаком пыли из-под огромных колес.

Но, пропустив шесть фур, Андрей решительно шагнул на дорогу и поднял руку, перекрыв путь последней машине.

Грузовик тормознул буквально в сантиметре от него, шофер высунулся из кабины:

– Чего тебе?

Колонна проехавших фур тоже притормозила, прижалась к обочине.

– Выгружай! – приказал Андрей шоферу последней фуры.

– Охренел? Все проехали! – изумился тот и жалобно посмотрел на майора.

Но Власов лишь повторил слова Андрея:

– Выходи. Разгружай.

Спустя двадцать минут почти сотня картонных ящиков рядами стояла на земле подле последней фуры. Все ящики были открыты, на каждом высился новенький телевизор «Самсунг». Два пограничника с собаками обходили ящик за ящиком. Собаки обнюхивали и ящики, и телевизоры. Лысый здоровяк, водитель-китаец, шофер последней фуры и еще трое курили в сторонке и насмешливо наблюдали за русскими погранцами. Когда собаки дошли до последних телевизоров, Лысый с открытой издевкой сказал майору:

– Ну? Может, включить их? Москву посмотрим, футбол...

Собаки, обнюхав последние ящики, сели на землю, а их проводники, разведя руками, доложили Власову:

– Все чисто, товарищ майор.

Майор вопросительно глянул на Андрея.

Андрей медленно двинулся вдоль ряда ящиков с телевизорами. Пройдя штук десять, поднял глаза на Лысого и увидел, как тот, пряча торжествующую ухмылку, щелчком выбил сигарету из пачки «Мальборо».

Сорвав с плеча автомат, Андрей вдруг со всей силой ударил металлическим прикладом в экран телевизора. Экран со звоном разлетелся, Лысый и остальные вздрогнули от неожиданности.

– Эй! – крикнул Лысый. – Ты чё делае... – И тут же пресекая, видя, как из разбитого телевизора хлынул на землю белый порошок.

Собаки, рванувшись с поводков, с лаем бросились к этому телевизору.

Андрей уже бил прикладом по экрану второго телевизора, третьего... И потоки белого порошка сыпались из них вместе с осколками стекла.

Лысый в бешенстве смял в кулаке пачку «Мальборо», достал мобильник и лихорадочно набрал какой-то номер...

– Эй! Ты слышишь меня? – сказала она.

Он выпростал свой взгляд из прошлого и вернулся на кухню.

– Слышу...

– Что ты слышишь?

– В прихожей я тебя схватил, прижал к стене и... Продолжай!

Она обвела взглядом кухонный столик с догорающей свечой и початой бутылкой вина. И усмехнулась:

– И тогда я почувствовала тебя – какой ты горячий, мощный, огромный! Это было как обморок, у меня крыша поехала. Я слышала, как ты проходишь насквозь, до гланд... И теряла голову, просто теряла сознание. А ты... Ну чистый вулкан! Этот стол ходил ходуном – помнишь, как он трещал?

Слушая ее, он сжал в руках чашку.

– Дальше!.. Еще!..

* * *

Густая автоматная стрельба рвала ночной воздух, оглушительно ухали гранатометы, пули крошили старые камни в стенах крепости.

Андрей и остальные пограничники короткими очередями отстреливались со стен и с вышек КПП.

На плацу перед комендатурой гора телевизоров была накрыта брезентом. В комендатуре майор Власов, пригибаясь от близких взрывов и штукатурки, сыплющейся с потолка, кричал в телефон:

– Алло! Да у нас полтонны наркоты! В каждом телевизоре – по четыре кило! Нет, мы не выдержим до утра! Да это каждый раз, товарищ генерал! Стоит изъять очередную партию... Нет, это не банда, это армия! У них гранатометы! Они нас вырежут, как кур! Что? Как это у вас нет горючки? Тогда я сожгу этот героин к херам собачьим! – И майор в сердцах отшвырнул трубку. – Блин!

Действительно, так уже было не раз – стоило российским пограничникам изъять у наркокурьеров больше двух-трех килограммов героина, как они по телефону вызывали банды, вооруженные самыми последними новинками оружия. Вот и теперь, прикрываясь яростной пальбой, темные фигуры нападавших все ближе подходили к крепости.

Но во дворе крепости, в темноте двое солдат уже подкатили к телевизорам бочки с соляркой, а майор, лежа с мегафоном на крыше комендатуры, нервным шепотом крикнул Андрею:

– Зажигай! Огонь!

Андрей прицелился гранатометом по бочкам и нажал на спусковой крючок. Гранатомет ухнул, и первая бочка с соляркой буквально взвилась в воздух от взрыва, оросив воспалившейся соляркой всю гору телевизоров. Следом стали взрываться остальные бочки, и густой черный дым от пластмассовых корпусов «Самсунгов», белый дым от горящей наркоты и осколки лопающихся экранов, смешавшись, столбом поднялись к небу.

А майор, повернувшись к атакующим бандитам, закричал в мегафон:

– Эй! Писец! Кончай атаку! Наркота горит! Мы сожгли ее на хрен!

Хотел добавить еще что-то, но, закашлявшись от едкого дыма, покатился по крыше и не то упал, не то спрыгнул на землю.

Нападающие, однако, только усилили огонь.

А с другой стороны крепости Лысый и еще несколько темных фигур, крадучись, подобрались к стенам и полезли на них.

Дым от горящей наркоты, телевизоров и солярки клубами стелился по территории погранблока, и десант Лысого, незамеченный погранцами, перелез в темноте через стену и с торжествующим криком бросился в атаку с тыла.

Но тут неожиданный рокот вертолетов оглушил всех – и бандитов, и пограничников. Два армейских «Ми-7» сверху, на бреющем осветили нападающих острыми лучами своих прожекторов. Громовой голос из динамиков покрыл рев двигателей:

– Прекратить огонь! Бросить оружие! Именем республики Гюльфара...

– Дальше? – усмехнулась она. – Дальше было то же самое, только на полу... Потом на кровати... А потом на подоконнике... Я думала: Господи, у него амнезия?! Он только кончил – и опять!

– Опять – как? – хрипло спросил Андрей, сжимая чашку руками.

– Опять до обморока, до гланд! Ты устал?

– Нет! Еще! Говори!

... Два вертолета стояли во дворе крепости рядом с остатками костра от сгоревших телевизоров. Личный состав КПП вместе с ранеными российскими пограничниками был построен здесь же. Прибывшие им на выручку десантники Минобороны Гюльфары сажали в один из вертолетов Лысого в наручниках и других арестованных.

В сопровождении перебинтованного майора Власова сорокапятилетний генерал Таджикибаев в щегольской форме погранвойск Гюльфары шел вдоль разрезанных автогеном кузовов многотонных «ЗИЛов» и «КамАЗов», и майор говорил ему на ходу:

– Вот, товарищ генерал, разрезаем – и пожалуйста: под каждой обшивкой, даже в бензобаках, сотни кэгэ опия, героина, кокаина, хрен знает чего!

Генерал остановился перед Андреем.

– Как ты узнал, что наркота в этой фуре?

Андрей усмехнулся:

– По весу, товарищ генерал.

– Не понял, – нахмурился генерал. – Как «по весу»?

Андрей улыбнулся еще шире:

– У этой фуры пыль под колесами мельче была.

Генерал посмотрел на арестованную фуру... на ее колеса... и опять на Андрея.

– У него интуиция, товарищ генерал, – поспешил встрять майор. – Просто какой-то Шерлок Холмс! Уже две тонны наркоты нашел!

Лысый, сидя в вертолете напротив открытой двери, переглянулся с китайцем.

А генерал сказал Андрею:

– Молодец, Шерлок Холмс. Звание повысим, премию дадим и пошлем в Москву, в институт погранвойск. Будешь на офицера учиться.

Но вместо благодарности услышал:

– Не могу, товарищ генерал. Я контрактник. Жене обещал: выслужу контракт – и всё, домой.

Генерал недовольно нахмурился, Андрей сказал:

– Товарищ генерал, а можно отпуск вместо института?

Генерал раздраженно засопел и бросил:

– Ладно, пять суток отпуска.

И ушел в свой вертолет.

Взревев двигателем и подняв лопастями жуткую пыль, вертолет взлетел и скрылся за Бричулинскими хребтами в сторону высокогорного озера Чирчук...

– Ты устал, хватит, – сказала Алеся. – И мне пора на работу...

Он не возражал, он и вправду устал.

Она встала, обошла кухонный столик и подошла к Андрею. Встав за его спиной, взялась за ручки инвалидного кресла и покатила его из кухни в крошечную спальню.

...Раздолбанный рейсовый автобус, полный стариков и женщин с корзинами, пахучими местными дынями, огромными «юсуповскими» помидорами и виноградом кишмиш, пылил вниз по горной дороге. Сидевший рядом с Андреем старик узбек разрезал небольшой арбуз и стал угощать им соседей. Между тем автобус, распугав кур и индюшек, прокатил через горный кишлак, миновал придорожную чайхану и спящих подле нее ослов и верблюдов. Водитель-таджик на ходу мигнул фарами парням, лениво стоявшим у несвежей синей «девятки» под вывеской «Кумыс. Горячие лепешки». Проводив автобус глазами, парни отшвырнули сигареты.

Автобус, пройдя седловину, пополз вверх по горной дороге.

Тут синяя «девятка» вдруг догнала автобус, лихо отжала его на обочину, трое крутых азиатских парней с пистолетами в руках выпрыгнули из машины, выстрелами заставили водителя открыть двери и ворвались в автобус. Женщины в ужасе заголосили, но парни, никого не трогая, напрямик ринулись по проходу в глубину, набросились на Андрея и, сунув ему под ребро пистолет, поволокли наружу, к «девятке»...

Алеся помогла безногую Андрею перебраться с инвалидного кресла в кровать.

– Значит, он был большой? – спросил Андрей.

– Он был замечательный. Ложись.

Она расстегнула на нем рубаху...

Голый, избитый и окровавленный, он стоял со связанными за спиной руками на каменной площадке высокого утеса над озером Чирчук. Огромный, прекрасный и совершенно безмятежный мир был над его головой – ослепительное солнце в бездонном небе, скалистые горы Бадахшана с далекими шапками высокогорных ледников да грифы или орлы, медленно парящие вдаль среди горных склонов. Но Андрею было не до этих безмятежных красот. Широколицый главарь с коротким кинжалом в руке говорил ему прямо в лицо:

– Ты, русская свинья! Две тонны добра у людей отнял! Две тонны! Это знаешь, какие деньги?! Миллионы! И у каких людей отнял! Лысого Раиса за тебя в тюрьму посадили! Лысого помнишь? Его в тюрьме убить могут, УБИТЬ!!! Но мы тебя убивать не будем! Ты сам умрешь! Позорной смертью умрешь. Понял?

С коротким кинжалом в руке он подошел к Андрею, посмотрел на его пах и усмехнулся:

– Большой! Много детей мог бы сделать.

И вдруг молниеносным движением воткнул кинжал прямо в пах.

Андрей закричал от боли и скорчился, распахнув рот.

А главарь расхохотался:

– Не кричи, ишак! Всё!

И сильным ударом сбросил Андрея со скалы в озеро.

Некоторое время все трое смотрели с утеса на воду, сомкнувшуюся над Андреем. А затем, увидев кровавые воздушные пузыри, лопнувшие над водой, удовлетворенно сели в свою «девятку» и уехали.

Стоя у кровати, Алеся налила полную рюмку «Новопассита» и подала Андрею. Но он отвернулся:

– Я не хочу снотворное.

– Пей, иначе не уснешь. Мне на работу.

Вздыхнув, Андрей покорно выпил и откинулся головой на подушку.

Алеся укрыла его одеялом:

– Спи, дорогой...

Он закрыл глаза, повернулся на бок. И с этим движением словно нырнул в свое недавнее прошлое – в ледяную воду высокогорного озера Чирчук.

Это был конец. Кровоточа и оставляя кровавый след, его тело уходило все ниже и ниже под воду. Выпученные от боли глаза вылезали из орбит. Связанные руки сначала дергались, не в силах освободиться, а потом бессильно обмякли. Он закрыл глаза и сдался, воздух пузырями вышел из легких. И тело, уже не сопротивляясь, отдалось воде.

Наверное, эта ледяная вода и спасла его от потери крови.

Потому что секунду спустя – уже помимо его сознания и воли – какая-то конвульсивная волна жизни все-таки выгнула его спину, дернула ногами, как лапами, и направила вверх.

Пробкой вынырнув из воды, он рефлекторно схватил ртом воздух и снова ушел под воду... Надолго...

И только после томительно длинной паузы вновь появился на миг из воды, снова схватил воздух.

И так, совершенно бессознательно, лишь в силу какого-то биологического инстинкта жизни дергая в воде связанными локтями и работая окровавленными ногами, как ластами, он выбрался к берегу, рухнул головой на камни. Его тело еще было в воде, и руки были связаны за спиной, но рвотные позывы оказались первыми симптомами спасения – его вырвало озерной водой.

Отдышавшись, он ужом выполз на берег. Попытался встать на ноги, но от нестерпимой боли в открытой ране вместо паха тут же с криком упал на камни.

Эхо его крика взлетело над озером, но никто не услышал его, только голошей стервятник снялся с далекой скалы и поплыл над озером.

Андрей снова попробовал встать и снова упал со стоном. Затем подполз к острому камню, перевернулся на спину и попробовал камнем перетереть веревки. Пустое! Он только до крови расцарапал себе руки и локти.

Между тем гриф-стервятник, глядя сверху на озеро и его берега, уже увидел свою добычу – окровавленного человека, который, умирая, бессильно лежит на камнях.

Спланировав, гриф сел неподалеку от него.

И тут же рядом с ним приземлился еще один... и еще...

Черными выпуклыми глазами они изучали полумертвое тело.

Затем первый, на правах первооткрывателя, заскакал по камням к Андрею и замер над его головой.

Андрей открыл глаза.

Секунду они смотрели друг на друга, а потом гриф поднял голову, чтобы выклевать самое вкусное – глаз.

Но Андрей вдруг хрипло и злобно, как змея, выдохнул воздух из легких. Это был какой-то нечеловеческий, звериный звук и оскал.

Гриф отскочил.

Но к нему тут же подскочили и сели рядом с Андреем еще двое голошеих стервятников, а к берегу стали слетаться еще и еще.

Андрей бессильно смотрел на них, а они нагло – скок за скоком – подбирались все ближе.

Хрипя и шипя, Андрей из последних сил задергал локтями так, что вены взбухли на плечах и шее...

И вдруг одна рука выскользнула из мокрой веревки. Андрей взмахом отогнал грифов, сел, освободил вторую руку и стал швырять в грифов камни, на которых сидел.

Стервятники нехотя отпрыгнули и взлетели.

Андрей снова пытался встать и снова упал, согнувшись и хватаясь обеими руками за кровавую рану вместо паха.

А стервятники стали кружить в воздухе, сопровождая человека, который, царапая локти о камни, медленно полз по земле.

Кровь метила его движение. Солнце нестерпимо сжигало голую кожу. И если руками и локтями он мог шевелить и ползти на них, то ноги с перерезанными в паху венами и сухожилиями мертвым грузом волочились за телом. И через какое-то время муравьи, клещи и слепни облепили их, впились в кожу. А затем возвратились и грифы, подскочили со стороны ног, стали клевать и рвать мясо кусками.

Андрей пытался отогнать их, но это было уже только в его воображении. А на самом деле...

Сразу за домом – простой кирпичной пятиэтажкой – начинались горы, а город был внизу, в Гюльфаринской долине, – днем зеленый от обилия парков, скверов, частных садов и виноградников, а по ночам мерцающий ожерельями уличных огней и витрин.

Пустой городской автобус подошел к остановке, забрал Алеся и покатил с окраины вниз, в сторону центра. Сидя на переднем сиденье, Алеся привычно смотрела в окно. Гюльфара открывалась ей навстречу сначала своими темными окраинными улочками, где за глухими заборами прятались уютные азиатские дворики с закрытыми гаражами, подвесными виноградниками и самой разнообразной живностью – от кур до павлинов, затем индустриальной зоной – мясокомбинат, хлебозавод, какая-то стройка, овощная база и ипподром – и наконец широкими и прямыми улицами с витринами новых бутиков, банков, магазинов, ресторанов, казино, гипермаркетов, обменных пунктов и парковками иномарок. Любого приезжего этот город поражал своим достатком и даже роскошью, несвойственной соседним республикам. Приезжим это объясняли просто и доходчиво: Гюльфара была не только независимой республикой, но и свободной экономической зоной – единственной «офшоркой» в Средней Азии. Мол, потому сюда всеми правдами и неправдами стекаются узбекские, казахские, киргизские и прочие деньги и умы, потому здесь банков больше, чем мечетей, а ювелирных лавок не меньше, чем на Сорок девятой улице в Нью-Йорке.

А в действительности была, конечно, еще одна – основная и негласная – причина гюльфаринской роскоши, но Алеся не успела об этом подумать – автобус остановился на сверкающей рекламой улице Независимости. Алеся и несколько ночных пассажиров вышли, и Алеся, перейдя улицу, вошла в расцветенное огнями казино «Памир». Здесь она привычно поздоровалась с охранниками – могучим Биллом, верзилкой Ратуллою и жилистым крепышом-каратистом Мансуром, поднялась в служебную комнату с металлическими шкафчиками, открыла своим ключом один из них и переделалась в служебную форму – белая кофточка-рубашка с кружевным воротничком, бордовый фирменный пиджак с вышитой эмблемой «ПАМИР», бордовая юбка и строгие черные туфли на низком каблуке. Хотя все девчонки, работавшие в казино – от официанток до девушек по вызову, – были обязаны ходить на высоких и даже высоченных каблуках, была здесь категория служащих, которые отвоевали себе право ходить, а точнее, стоять на низких. Эта категория называлась «крупье», и Алеся была одной из них.

Через пятнадцать минут, поправив макияж, она уже стояла у стола и стремительным веером раскладывала карты перед игроками...

...Исклеванный и преследуемый грифами и слепнями полутруп только изредка оживал от боли, поднимал голову и видел вдаль горную дорогу, огибавшую каменистый склон, и машины, которые катили по ней, пыля...

Он попробовал кричать, но только беззвучный сип выходил из разбитых и обуглившихся губ. И никто не видел его – там, в высоте, над крутым обрывом, машины пролетали по горной дороге, не обращая на него внимания.

А он лежал в ложине под этой дорогой, лежал на раскаленных от солнца камнях – лицо и плечи уже сгорели, тело исцарапано, ноги исклеваны до костей. Но он еще шевелился и двигался. Или – думал, что движется, а на самом деле это был уже просто труп, живой труп, который едва копошится и которого вот-вот сожрут муравьи и грифы...

В казино гремела музыка. Исполняя танец живота, юная красавица узбечка с высокой грудью яростно трясла бедрами. Полуголые девушки в узеньких лифчиках и мини-юбочках по первому зову игроков подносили им бесплатную выпивку. Хозяин казино, франтовато одетый и с сигарой во рту, прохаживался по залу, зорко следя за крупье. И Алеся, тасуя карты, могла лишь исподволь рассматривать игроков за своим столом – одного... второго... третьего... Черт возьми, они совершенно разные: русские, узбеки, корейцы, таджики... молодые, пожилые и старые... франтоватые бизнесмены и бандиты в спортивных костюмах...

Крутится колесо рулетки, шарик бежит по кругу...

Игроки ожесточенно курят... азартно играют... много пьют...

Наконец игра заканчивается, игроки отходят, и Алеся устало прикрывает глаза.

За соседним столом игра тоже закончилась, и Анжела, соседка-крупье, подошла к Алеся.

– Идем! Я сейчас лопну!

Они пересекли зал, зашли в женский туалет, заняли обе кабинки.

Анжела, усевшись на унитаз, торопливо открыла сумочку, достала пудреницу и ссыпала из нее на ладонь дорожку кокаина. Шумно вдохнула, облегченно закрыла глаза, откинула голову. И так, расслабленно писая, спросила через стенку:

– У меня чистый. Будешь?

– Нет, спасибо, – ответила Алеся из своей кабинки.

– Все еще ищешь, кто его заказал?

Алеся промолчала.

Анжела усмехнулась:

– Думаешь, они придут к твоему столу и скажут: «Это мы его кастрировали»?

Алеся не ответила.

– Тут ползала наркодилеров. Даже больше, – сказала Анжела. – Какая разница, кто твоего заказал? – Она насыпала из пудреницы еще дорожку, вдохнула. – Ты фильм «Касабланка» видела?

Алеся молча вышла из своей кабинки, подошла к зеркалу. Анжела присоединилась к ней, вдвоем они занялись своими прическами и макияжем.

– У нас тут такая Касабланка! – продолжала Анжела. – Эти звери уже весь мир на иглу посадили. С ними даже американцы не могут справиться.

Подведя губы темной помадой «Shick», Анжела спросила в упор:

– Ну хорошо. Ищешь и ищешь, не мое дело. Но он уже восемь месяцев как инвалид. Как ты живешь без секса?

– Живу... – нехотя ответила Алеся.

– А я бы не смогла. Если у меня неделю нет мужика, я с ума схожу!

– Ты же с хозяином спишь.

Анжела усмехнулась:

– Да какой он мужик? Так, название... – И вдруг осторожно коснулась пальцами шеи Алеся, провела рукой по плечу.

От этого нежного касания Алеся невольно закрыла глаза.

И Анжела, разом осмелев, тут же обняла ее, привлекла к себе, хозяйски положила руку на грудь.

– Ласточка моя, лапонька... Господи, как я хочу тебя...

Но Алеся, спохватившись, тут же оттолкнула подругу.

– Нет! Отстань!

– Дура! – раздраженно бросила Анжела. – Такой станок пропадает!

* * *

Экскурсионный автобус со школьниками катил по горной дороге. Дети шумели, пели, баловались и лупили друг друга щелбанами. Молодая учительница, как ни кричала, не могла с ними справиться.

Неожиданно пятилетняя девочка, сидевшая возле водителя, показала рукой за окно:

– Смотрите! Птицы дядю кушают!

– Фигня! – сказал мальчик постарше. – Какой еще дядя? Падаль какая-то.

– Собака или горный козел, – произнес еще один.

Действительно, сверху, с горной дороги, было неясно, кого клюют грифы.

И автобус покотился дальше, удаляясь от того места, с которого были видны Андрей и грифы, клюющие его.

Но маленькая девочка, заупрямившись, пустилась в рев:

– Мама, они его скушают! Скушают дядю!

– Катя, перестань! – нервно сказала учительница. – Какого еще дядю?

– Там! – Катя показала ей за окно. – Птицы дядю кушают!

Учительница выглянула в окно и вдруг закричала водителю:

– Стой! Останови машину!

На рассвете над городом разносится протяжный крик муэдзина: «Алла-а-а-ах уакбар!» Пустой городской автобус взобрался в гору и остановился на окраинной остановке. Алеся вышла из автобуса и устало двинулась в сторону дома. По дороге Алеся остановилась у продовольственного ларька, купила лаваш, овощи и каймак – свежую местную сметану. С пакетами прошла через двор, вошла в подъезд, открыла ключом свою квартиру на первом этаже. Но прежде чем войти, устало прислонилась головой к двери и замерла так, словно собирая силы для новой работы или испытания. Затем, глубоко вздохнув, открыла дверь и, сбросив в прихожей туфли и оставив на стуле пакеты с покупками, прошла в туалет, взяла там литровую стеклянную банку и направилась с ней в спальню.

Андрей, лежа в кровати, встретил ее открытыми глазами.

– Доброе утро, – сказала она, но он промолчал.

Она откинула одеяло и увидела то, на что без подготовки действительно трудно смотреть: оголенные культы-обрубки и пах, изуродованный ужасными шрамами и торчащей внизу живота цистостомой – отводной трубкой-катетером из мочевого пузыря.

Привычно вставив эту трубку в стеклянную банку, Алеся сняла с трубки пластиковый зажим, сцедила мочу.

Андрей облегченно вздохнул, откинулся головой на подушку и блаженно закрыл глаза.

А еще недавно, всего восемь месяцев назад, он, придя в госпитале в себя и впервые увидев свои забинтованные культы, в истерике орал на врачей:

– На хрена вы меня спасли?! – И вырвал из живота цистостому, кровь брызнула из разорванных швов. – Если я не мужик, я не хочу жить! Не буду!

Санитары и армейские врачи набросились на него, выкрутили руки за спину, натянули смирительную рубашку...

* * *

Алеся достала из шкафа выцветшую гимнастерку с медалями, ремень и армейские брюки с укороченными выше колен штанинами. Помогла Андрею одеться, переселась в инвалидное кресло и ушла на кухню готовить нехитрый завтрак – яичницу с овощами.

Он прикатил туда в своем кресле, негромко спросил:

– Кто-нибудь был сегодня?

– Конкретно – никого подозрительного... – сказала она, стоя у плиты и глядя через окно на детей, высыпающих с утра во двор на детскую площадку.

– А вообще? – настойчиво спросил он.

– А вообще они все на ворованные деньги играют. Я знаешь что думаю? Нужно пойти к ясновидящей. Мне давно говорили – в Гинчике есть одна старуха. Только очень жадная – сто баксов за прием.

И Алеся выложила всю яичницу в одну тарелку, поставила ее перед Андреем.

– А тебе? – сказал он.

– Я пошла спать.

Оставшись в одиночестве, Андрей завтракал, включив телевизор. По телику шли последние известия, но он их практически не слушал. Крутя руками колеса инвалидного кресла, подъехал на нем к раковине, вымыл свою тарелку. Затем достал из шкафчика баночку с асидолом, снял с гимнастерки медали, стал начищать их до блеска. Между тем местный телекомментатор сообщил:

– Международная общественность обеспокоена предстоящим выводом российских пограничников из нашей республики. И за разъяснениями мы обратились к командующему нашими погранвойсками генералу Таджикибаеву.

После этого на экране возник Таджикибаев в своем генеральском кабинете и сказал в микрофон корреспондента:

– Эта озабоченность вполне понятна. По нашим данным, за последние пять лет в Афганистане площади посевов мака, служащего для производства опия, морфина и героина, увеличились в 36 раз. А все потому, что спрос! Число потребителей наркотиков во всем мире растет, и сегодня килограмм афганского героина стоит у нас на черном рынке 5 тысяч долларов США, а по пути в Европу эта цена возрастает в 60 раз: в Душанбе, Асане и Ташкенте это уже 30–40 тысяч долларов, в Москве – 150 тысяч, а в Европе – 300 тысяч! Долларов! Вот западных наблюдателей и беспокоит: а сможем ли мы без российских пограничников остановить этот наплыв...

Андрей, недослушав, индифферентно выключил телевизор и покатил на своем инвалидном кресле к двери в спальню. Заглянул туда, увидел, что Алеся уже спит, осторожно закрыл дверь и укатил в прихожую. Достал с полочки солдатскую фуражку, надел, открыл наружную дверь, выкатил, стараясь не шуметь, из квартиры и запер ее. Сунув ключ в нагрудный карман, ловко спустился в кресле по трем лестничным ступенькам в парадном и выкатил на улицу. Соседский пацан, проезжая мимо на велике, крикнул на ходу:

– Привет, Андрей!

– Привет...

На улице русские, таджикские и узбекские девчонки скакали на одной ноге по асфальту – играли в классы и прыгали через скакалку.

Натянув кожаные перчатки без пальцев и толкая руками колеса своего кресла, Андрей миновал детей и покатил по мостовой вниз, в город.

Но через несколько кварталов отара блеющих овец преградила путь. Знакомый чабан – тот самый Файзи, который в горах гнал отары на китайские летники, – буркнув Андрею «асалам алейкум!», нервно загнал эту отару в ворота с вывеской «МЯСОКОМБИНАТ».

Пропустив отару, Андрей снова толкнул колеса своего инвалидного кресла – вниз, с покатого склона Нагорной улицы, и теперь его кресло развило такую скорость, что казалось – сейчас он грохнется.

Но нет, он благополучно скатился в низину, хотел на скорости взять предстоящий подъем, но вдруг перестал подкручивать колеса – засмотрелся, как местные подростки азартно гоняют в этой низине в футбол. А другие, помладше, играют в «лямгу», ловко подбрасывая ее ногами в воздух и считая при этом: «Тридцать пять... тридцать шесть... тридцать семь... тридцать восемь...»

Тогда это тоже были дети.

Тупо глядя в разрисованный старыми потеками потолок, он – еще забинтованный – лежал на больничной койке в армейском госпитале. Алеся, почерневшая от горя, сидела рядом.

Топот ног и гомон детских голосов долетели из коридора, вся палата удивленно повернулась на этот шум.

Распахнув дверь, в палату влетели дети – с разбегу и веселой гурьбой. И только увидев забинтованных солдат-инвалидов, передние тут же смолкли и затоптались на месте. А задние еще напирали, но тут, ведя за руку пятилетнюю девочку, в палату вошла их молодая темноволосяя учительница.

– Тише, дети, тише! Это госпиталь!

Дети расступились, учительница, держа дочку за руку, прошла вперед и, окинув глазами шесть коек с ранеными и больными, сказала с наигранной бодростью:

– Здравствуйте, товарищи!

Палата промолчала, но она продолжала тем же повышенным тоном:

– Дети, поздоровайтесь! Это наши защитники, они охраняют наши границы от бандитов, которые хотят превратить вас в наркоманов. Давайте скажем им «здравствуйте». Хором!

Дети нестройно грянули:

– Здравст... Здравствуйте...

– А мы к Андрею Стахову, – сказала учительница. – Он здесь?

Больные показали ей глазами на Андрея и Алесю.

Учительница, держа за руку пятилетнюю Катю, подошла к койке Андрея.

– Здравствуйте, Андрей! Меня зовут Фируза, это моя дочка Катя, а это мои ученики, третий класс. Мы решили взять над вами шефство. Дети изучили вашу биографию, нарисовали про вас стенгазету. Дети, покажите!

Дети послушно развернули ватман – стенгазету «ОРЛЕНОК» с портретом Андрея и большим рисованным заголовком: «АНДРЕЙ СТАХОВ – НАШ ГЕРОЙ!» А пятилетняя Катя шагнула вплотную к кровати.

– Это я тебя первая увидела. Тебе пришьют новые ножки?

Андрей отрицательно повел головой, а Фируза одернула дочку:

– Катя!

У Кати на глазах появились слезы.

– Совсем никогда-никогда?

Андрей молчал.

Катя посмотрела на Алесю:

– Тетя, а вы его мама? Вы будете его на ручках носить?

– Катя, хватит! – сказала Фируза и повернулась к Алесе: – Извините...

Но Катя не унималась:

– Тетя, а можно, я буду его жена? Я тоже буду его на ручках носить.

– Все, Катя, помолчи! – Фируза оттянула дочку от койки. – Андрей, я хочу вам сказать что-то очень важное. Дети моего класса решили присвоить нашему классу ваше имя.

Андрей испуганно посмотрел на нее.

– Теперь мы называемся «Пятый «В» класс имени героя Стахова», – продолжала Фируза. – Я вас очень прошу: быстрее выздоравливайте! Мы будем к вам регулярно приходить, приносить фрукты, петь и читать стихи. Дети, что вы приготовили сегодня?

Дети, прокашлявшись, грянули хором:

От улыбки хмурый день светлей,
От улыбки в небе радуга проснется.
Поделись улыбкою своей...

Это было так искренне и так старательно, что Андрей не смог сдержать улыбки, а Алеся – слез.

* * *

В центре Гюльфары, на перекрестке проспекта Свободной Азии и улицы Алишера Навои, с утра до ночи стоял рев автомобильных моторов, гудки настырных «лексусов» и «мерседесов», грохот дорожно-ремонтных работ и крики двенадцатилетних пацанов с коробками, нагруженными в детские коляски: «Лепешки пакупай! Горячий лепешки пакупай!»

Жара, палящее солнце, гарь выхлопных газов – и в этом месиве, по узкой полосе, разделяющей два встречных потока легковых и грузовых автомобилей (а также автобусов, мотоциклов, верблюдов и ослов), раскатывал в своем инвалидном кресле Андрей. Потный, гимнастерка намочила на спине и в подмышках, на коленях армейская фуражка со смятыми бумажными деньгами-«гюльфинками», он выжидал, когда на светофоре загорался красный, и, развернув кресло навстречу потоку затормозивших у светофора машин, медленно катил от кабины к кабине, пристально разглядывая водителей и пассажиров и протягивая им свою армейскую фуражку.

Разные люди проезжали мимо него: чиновники, армейские и ментовские офицеры и начальники, инкассаторы в бронированных инкассаторских машинах, женщины, бандиты, торгаши... И каждый реагировал на Андрея по-своему – кто-то безразлично отворачивался или, увидев Андрея, еще издали поднимал в машине стекло, а кто-то подзывал: «Эй, Чинарик!» – и бросал в его фуражку смятую гюльфинку...

Андрей благодарил и катил дальше. Хотя главной причиной его «работы» на перекрестке была надежда встретить своих палачей. Ведь когда-нибудь они должны проехать по центру города на своей «девятке»!

Впрочем, внешне Андрей ничем не отличался от сотен, если не тысяч молодых армейских калек, что нынче попрошайничают на улицах всех российских городов, а также в поездах, в метро и в электричках...

Но какой-то полковник в белом «лексусе» возмутился:

– Эй, Чинарик! Симулянт хренов! Навесил фальшивые медали и побираешься?! Вот вызову военную комендатуру!..

Андрей вплотную подкатил к «лексусу», потряс фуражкой со смятыми деньгами.

– Ты, сытая рожа! Я за родину ноги отдал, а хрен получил! А ты эту иномарку на свою зарплату купил?

Полковник трусливо нажал на газ и уехал, а из другой машины какой-то доброхот протянул Андрею пачку «Мальборо»:

– Сержант, курить будешь?

Андрей забрал всю пачку.

– Спасибо.

– Кури на здоровье. Тебе же инвалидная тачка положена. Пропил, что ли?

– Эту тачку доставить сюда из России полторы штуки стоит. Ты заплатишь?

Тут светофор переключился на зеленый, доброхот включил скорость и тронулся, а Андрей развернул свое кресло и, с силой толкая колеса, вновь покатил по узкой полосе между встречных потоков машин.

В сизом мареве газовых выхлопов он не заметил, как мимо него проехал «форд» с затененными стеклами. И как пятилетняя Катя, сидевшая там на заднем сиденье, радостно закричала и застучала по стеклу:

– Андрей! Андрей! Мама, это Андрей! Мама, останови!

Фируза нажала было на тормоз, но в это время светофор перешел на желтый, и генерал Таджикибаев, сидевший рядом с Фирузой в пассажирском кресле, сказал негромко:

– Поехали, мне некогда.

Машина миновала перекресток.

Катя, глядя в заднее окно, сказала обиженно:

– Дедушка, он герой?

– Герой, герой... – проворчал Таджикибаев.

– А почему он нищий?

Фируза тоже вопросительно скосилась на отца.

– Дурак потому что! – в сердцах сказал генерал. – Я ему предлагал Москву, институт ФСБ! А он... Старших надо слушать!

В истлевающем свете заката Алеся и Андрей лежали рядышком в постели, голова к голове на одной подушке. Андрей медленно гладил Алеся по плечам и груди. Алеся в истоме закрыла глаза, и его рука скользнула ниже ее живота. Но Алеся остановила его:

– Не надо...

– Почему? Я рукой...

– Нет, я не хочу так. Знаешь, все мужчины думают, что для женщины это главное. Да, это, конечно, важно. Но не это главное.

– А что?

– Тепло, голос... Просто нежность... Я очень тебя люблю...

– Тебе двадцать лет! Ты не можешь без этого.

– Могу. Перестань. Я думаю, мы их никогда не найдем.

– Кого? – Андрей медленно, почти неслышно продолжал опускать свою руку все ниже.

– Тех, кто тебя изуродовал.

– Найдем.

– Как? Ой, что ты де... – Алеся закрыла глаза и прерывисто задышала открытым ртом. – Ой... О-ой...

Откинув голову, она выгнула аркой спину и все учащала шумное дыхание. А он, одной рукой сжимая ее грудь и усиленно манипулируя второй, плакал застывшими глазами.

Наконец Алеся изнеможенно расслабилась, остыла, повернулась к Андрею и благодарно потянулась поцеловать его в щеку. Но он резко отвернулся, пряча слезы.

Алеся в недоумении открыла глаза.

– В чем дело?

Андрей не ответил.

– Андрей, что не так?

– Всё так. Отстань...

Алеся встала и ушла в душ, а когда, одевшись на работу, вышла на кухню, Андрей, не зажигая света, уже сидел там за остатками ужина и недопитой бутылкой вина.

– Мне пора на работу, – сказала Алеся.

– Сколько у нас денег? – произнес он, не глядя на нее.

– На еду?

– На мою тачку. Сколько мы собрали?

– Девятьсот долларов. Еще шестьсот и...

Он криво усмехнулся:

– За полгода...

Алеся подошла к нему, села напротив, взяла его за руку.

– Андрюша, разве я заставляю тебя побираться?

Но он вырвал руку.

– Отстань!

– Ты же бандитов ищешь, – мягко продолжала она. – А не найдешь, так все равно соберешь на машину и сможешь работать.

– Пиццу развозить?

Алеся встала.

– Я должна уходить. Ты идешь спать?

– Иди, я сам.

Алеся вздохнула, взяла со стола недопитую бутылку вина и поставила на верхнюю полку кухонного шкафа рядом с жестяной коробкой из-под крупы. Затем поцеловала Андрея в голову.

– Извини, я пошла...

Некоторое время Андрей сидел один в полумраке кухни.

За окном была уже глубокая ночь с цикадами и светлячками, когда он решительно оттолкнулся от стола к стене, включил свет, затем подкатил в спальне к шкафу, стянул с вешалки свою гимнастерку и укороченные галифе и сам – с огромным трудом – оделся. Было особенно трудно надеть штаны – отжавшись на руках, попасть культей в штанину...

Передохнув, он достал асидол, начистил медали.

Наконец, затянув ремень и поправив медали на груди, он палкой половой щетки попробовал осторожно сдвинуть с верхней полки кухонного шкафа жестяную банку, стоявшую рядом с бутылкой вина. Банка оказалась тяжелой, палка соскользнула и задела бутылку, та опасно закачалась и... нет, не упала. А тяжелая жестяная банка свалилась прямо ему в руки.

Андрей, вспотевший от напряжения, облегченно вздохнул и открыл банку. Там лежали пистолет «ГТ» и деньги, перетянутые резинкой.

Андрей достал деньги, сунул их в карман гимнастерки и выкатил из квартиры.

Душная азиатская ночь, черная и звенящая цикадами, стояла над Гюльфарой. И в темном бархате этой ночи Андрей катил с гористой темной окраины в центр. Тротуары не для него – его креслу бордюры «не по зубам». Он ехал по мостовой, и встречные машины шарахались в стороны, гудя. Но Андрей не обращал на это внимания. Остервенело, сильными рывками он крутил колеса своего кресла и летел вперед, навстречу ослепляющим фарам. Чем ближе к центру, тем чаще визжали тормоза «матизов», «нексий», иномарок и какого-то инкассаторского броневичка – и тем громче матерились водители. А он все стремился вперед, и неоновая реклама и яркие витрины со странными на первый взгляд вывесками «МЕВЕЛ», «ODEZHDA» и «РОСНТА» освещали его путь. Гюльфара, объявив себя независимой республикой, сгоряча простилась с кириллицей, но еще не освоила английский настолько, чтобы гюльфаринцы вместо «мебель» говорили furniture, а вместо «почта» Post office.

Проехав по осевой меж двух потоков гудящих машин, Чинарик с ходу подлетел к казино «Памир».

Охранники – все тот же могучий Билл, верзила Ратулла и жилистый каратист Мансур – преградили ему дорогу.

– Стой! Ты куда?!

Андрей выхватил из кармана пачку денег.

– Дорогу! Я играю! На все!

Охранники расступились, но впереди, у парадной двери – две ступеньки, светящиеся золотыми огоньками.

Андрей попытался въехать, не смог и, разозлившись, крикнул охранникам:

– Эй! Поднимите меня!

Охранники подняли его вместе с креслом, пронесли через раму «секьюрити» и вкатили в казино, в игорный зал. Игроки и болельщики, толпившиеся у столов, с удивлением оглянулись на него, но Андрей – ноль внимания; толкая колеса своего кресла, он напрямик покатил к кассиру за фишками.

Алеся, увидев мужа, застыла в оторопи. Но игроки за ее столом сказали нетерпеливо:

– В чем дело? Вы работаете?

Между тем Андрей подъехал к кассе, сунул деньги в окошко:

– Жетоны! На все!

Кассир бесстрастно посчитал его деньги и положил на стойку стопку фишек.

По дороге к рулетке Андрей снял с подноса полуголой разносчицы бокал с виски и залпом выпил.

Но, даже видя это, Алеся была вынуждена продолжать игру за своим столом.

Андрей, поглядев на нее, наткнулся глазами на мужчину, который играл за столом Алеся. Что-то в лице этого игрока в модном дорогом костюме и с перстнями на пальцах показалось Андрею знакомым, но, так и не вспомнив или не узнав его, Андрей подъехал к соседнему столу с рулеткой, поставил часть своих фишек на какую-то клетку. И тут же проиграл. С горя взял себе еще бокал виски, выпил и поставил на «зеро» половину оставшихся жетонов. Следя за шариком, жадно допил свое виски...

Между тем Алеся, издали увидев ставку Андрея, замерла в панике. А игроки за ее столом требовательно зашумели:

– Сдавай! Сдавайте карты!

И хозяин казино, попыхивая сигарой, вальяжно подошел к ней:

– В чем дело?

Тут шарик рулетки остановился, но – миновав «зеро»! Андрей опять проиграл! И вдруг вспомнил, где он видел игрока за столом Алеся – да неужто это тот самый чабан Файзи, который гоняет своих овец через границу на китайские «летники»?! В модном костюме, с перстнями на пальцах?! Не может быть! Андрей оглянулся и обнаружил, что мужика, так похожего на чабана Файзи, уже нет – ни за столом, ни в зале.

Однако раздумывать над этим странным исчезновением было некогда – крупье снова бросила шарик на колесо рулетки...

Андрей и последние фишки упрямо поставил на «зеро», но тут к нему подбежала Алеся, схватила эти фишки со стола и решительно пошла с ними к кассе.

Андрей на инвалидном кресле сорвался за ней:

– Стой! Стой, я сказал!

Алеся протянула фишки кассиру:

– Деньги!

Но Андрей, уже хмельной, грубо оттолкнул Алеся от кассы, закричал кассиру:

– Верни жетоны!

– Нет. Деньги верни, – распорядилась Алеся.

Кассир, колеблясь, смотрел то на Алеся, то на Андрея.

– Деньги! – требовательно повторила Алеся.

Андрей, психуя, снова толкнул Алеся.

– Уйди на хрен!

И тут Алеся, не выдержав, влепила ему пощечину.

– Ах так?! – закричал он. – Сука! – И дернулся назад к рулетке, сорвал с себя медали, швырнул их на стол: – Играю на медали!

Алеся бросилась следом.

– Нет!!!

И потянулась за медалями, но Андрей с такой силой оттолкнул ее своим креслом, что Алеся, выбив у девушки поднос с напитками, упала плечом на один из бокалов.

Хозяин казино кивнул охранникам, те подбежали к Андрею, сгребли его, вынесли на руках из казино и швырнули со ступенек на тротуар, а следом выбросили его инвалидное кресло.

Тут Алеся – вся в крови – выбежала за ними, держа в руках спасенные остатки денег и медали Андрея.

– Сволочи! – закричала она охранникам. – Что вы делаете?! Уроды!

– Кто урод? Это я урод? – Билл схватил ее за волосы.

– Эй! Отпусти! Отпусти ее! – заревел Андрей, бессильно сидя на мостовой.

– Да? – усмехнулся Билл. – Сейчас! Она у тебя уже год голодная! Счас мы удовлетворим ее, а потом отпустим! Чё ты нам сделаешь?

Андрей стал неловко подниматься на культю, но тут Алеся вырвалась из рук охранников, упала на колени подле Андрея...

В школьном классе на стенах рядом с таблицей Менделеева, репродукциями картин и скульптур великих художников, детскими рисунками и таблицами русских местоимений и окончаний возвратных глаголов висела стенгазета с заголовком «АНДРЕЙ СТАХОВ – НАШ ГЕРОЙ!».

Но под этими стенами сидели за партами не дети, а взрослые. В классе шло родительское собрание, пожилая родительница возмущенно говорила Фирузе и школьной директрисе:

– Это ж надо додуматься! Бандиты ему отрезали... – ну, я не знаю даже, как это назвать! – а вы его героем сделали!

– Вы наших детей развращаете! – сказала вторая.

– Да гнать ее из школы! – выкрикнула третья и развернулась к директрисе: – Вот вы, директор, куда смотрите?

– Я? Я смотрю на вас... – сказала директриса – маленькая худенькая женщина в роговых очках, с пучком серых волос на голове, в строгом костюме мышиного цвета. – На вас на всех. И удивляюсь. Как вы сделали своих детей? Чем? – Поднявшись, она взяла указку, подошла стене с репродукциями картин. – Вот Давид, Микеланджело. Вот Леонардо да Винчи. Великие художники никогда не стеснялись показать то, что вы не знаете, как назвать. – Тут она вернулась к классной доске и мелом жирно написала на ней: «ПЕНИС».

Изумленный ропот прокатился по классу, и даже Фируза с оторопью уставилась на эту надпись, но директриса ожесточенно повысила голос:

– Так это называется! Да, Андрею Стахову бандиты его повредили. Но даже после этого он не перестал быть мужчиной! И в этом его геройство! Потому что мужчина – это от слова «мужество», а не от слова «пениство»! И далеко не все, кто с пенисом, имеют право называть себя мужчинами. А он имеет! И мы должны говорить об этом с детьми, мы должны воспитывать *мужчин*. А иначе... У нас семьдесят лет царило советское ханжество, и к чему это привело? К тому, что там, в России, уже демографический кризис, вот к чему! Сам их президент вынужден просить молодежь делать детей. А чем их делают? Капустными кочанами?

По ночному шоссе Андрей катил в гору. Это было тяжело, он выбивался из сил, но все толкал и толкал колеса своего инвалидного кресла. Редкие машины фарами выхватывали в темноте его силуэт, возмущенно гудели и опасно проносились мимо. Он ставил колеса на тормоз, переводил дыхание и снова катил вверх по дороге – из последних сил, но все выше и выше.

Наконец его обогнал армейский грузовик с крытым брезентовым кузовом, и солдаты, сидевшие в кузове, узнали Андрея, застучали по кабине водителя. Тот остановил машину.

Несколько солдат выпрыгнули из кузова, откинули задний борт, подняли в кузов Андрея и его кресло. И грузовик покотился вверх, к перевалу.

На перевале Андрей попросил высадить его. Солдаты спустили его вместе с креслом на обочину и уехали, а он откатил от шоссе к обрыву и остановился, глядя на горы, за которыми начинался рассвет.

Это было красиво! Мощно! Огромно!

Утреннее солнце, медленно восходящее за острыми снежными и ледяными вершинами Тянь-Шаня, сначала окрасило небо в нежно-сиреневые тона, затем добавило охры, потом – золота, и только тогда, когда огромная вселенная вобрала в себя эти краски, а небо стало бездонно прозрачным, только тогда сквозь узорчатый гребень Тянь-шаньских гор высветился пламенный край солнечного диска. Его Величество Солнце восходило над миром, и навстречу ему уже летели орлы и грифы, жаворонки и стрекозы.

Андрей сидел в кресле на высоком утесе Бричулинского перевала – вровень с острыми снежными вершинами, один в сияющем мироздании. Поднимаясь над ним, солнечный диск словно наполнял вселенную не только огнем своей исполинской топки, но и какой-то мощной органной музыкой, величественной и безграничной, как жизнь. И по сравнению с этими вечными горами, этими вечными ледниками и реками и этим вечным солнцем что наши мелкие беды, скандалы, неурядицы и даже увечья? Жить! Жить!!! Видеть небо! Слышать воду, бегущую по камням! Дышать ароматом трав и листьев! Жить и любить...

* * *

... Она сидела за столиком на летней веранде кафе-мороженого «Алые паруса». Это было знаменитое в Привольске молодежное кафе на Золотом озере в городском парке. Упругой молодой походкой Андрей взбежал по арочному мостику от берега к кафе, стремительно прошел меж столиков к грибку, под которым она сидела с книжкой и мороженым, и с ходу громко спросил:

– У вас не занято? Можно сесть?

Соседи повернули головы на эту бесцеремонность.

Она пожала плечами:

– Садитесь.

Он сел и, не понижая голоса, тут же выпалил:

– Девушка, вам говорили, что у вас красивые глаза?

Она подняла глаза:

– У вас при себе «шапочки»? Н-ну... презервативы?

Соседи за соседними столиками изумленно раскрыли рты.

Андрей поперхнулся:

– Гм...

– Что? – спросила она.

– Нет, ничего. Мне нравится ваша прямота.

– А в сексе вам что нравится? Как вы любите?

Соседи остолбенели в шоке, но Андрей и Алеся не обращали внимания на соседей.

– Ну, это как поведет, – ответил он. – Я не знаю заранее...

– А я знаю, – сказала она уверенно. – Во-первых, мне нравится, когда мне покусывают вот здесь, за плечами. Я от этого так завожусь! До крика! Вас это смущает?

Кто-то из соседей возмущенно встал, ушел за администратором. Но они продолжали как ни в чем не бывало.

– Вообще-то, – сказал он, – у меня дома толстые стены. Но сейчас лето, окна открыты.

А вы можете не кричать?

– Нет! – заявила она. – И еще я люблю, когда мне целуют грудь. У меня от этого просто крыша едет. Вы будете целовать мне грудь?

Он улыбнулся:

– Не знаю, я еще не видел ее.

– А я вам покажу. Вот, смотрите...

Она сунула руку за пазуху, соседи возмущенно зашумели, и Андрей не выдержал, вскочил:

– Пошли отсюда! Быстро!

Схватив Алесю за руку, он бегом потащил ее из кафе – и вовремя: навстречу им уже шли администратор с милиционером.

Но они с хохотом выскочили из кафе, пробежали по арке навесного мостика.

– Дуреха, ты доиграешься! – говорил на ходу Андрей, обнимая Алесю.

– Ты проиграл! – хохотала она. – Ты струсил!

– Я подписал контракт с армией. Еду зарабатывать нам на квартиру.

– Я с тобой.

– Нет, эта Гюльфара хрен знает где – в Средней Азии.

– Если ты меня не возьмешь, я тоже завербуюсь. К подводникам.

...И снова Андрей побирался на своей «точке» – на перекрестке проспекта Свободной Азии и улицы Алишера Навои. Пот градом катил по его лицу, волосы слиплись, выхлопы газов забивали дыхание. Ослы и верблюды, проходя, роняли «лепешки» на мостовую. Но руки в изодранных перчатках с обрезанными пальцами продолжали толкать колеса инвалидного кресла – навстречу «нествиям», «Жигулям» и иномаркам, чиновникам и бандитам, хамам, жмотам и щедрцам. Цена каждого выпрошенного рубля, доллара и гюльфаринки – виртуозная эквилибристика на инвалидном кресле в узком проходе меж двух потоков транспорта...

А где-то в небе очередной пассажирский «Як-40» привычным курсом пролетел меж горных пиков, снизился над Гюльфарой и зашел на посадку, приземлился в местном аэропорту. Пассажиры – и среди них сорокапятилетняя русая женщина с двумя сумками в руках – спустились по трапу. Оглядываясь на горы и потея от жары, женщина вышла на привокзальную площадь, заполненную торговой среднеазиатской толчеей и шумом, разномастными машинами и нахрапистыми местными таксистами.

Поколебавшись, женщина сдалась одному из них и села в раздолбанную пыльную «девятку» с гордой надписью «ВИП-ТАКСИ».

Спустя полчаса «ВИП»-такси, сделав крюк через полгорода, остановилось у дома Андрея и Алеси. Счетчик показал 200 гюльфари. Русая женщина, отвернувшись от таксиста, достала из потайного, на теле, загашника сто российских рублей и отдала водителю.

– А чаевые? – сказал тот.

– Воду пей. «Чаевые»! – усмехнулась женщина, выходя из машины.

Таксист, выругавшись, уехал, обдав клубами пыли и женщину, и детей, игравших возле дома.

Женщина спросила у этих детей, где живут Стаховы, дети показали, и женщина вошла в подъезд, постучала в квартиру на первом этаже. Но никто не ответил. Женщина тронула дверь, и та открылась. Она осторожно заглянула внутрь, сказала негромко:

– Аллю! Кто дома?

Никто не ответил.

Женщина вошла, поставила сумки на пол, оглядела крохотную прихожую и – через дверь – кухню-гостиную с фотографиями на стенах. На одном из этих фото была она сама, только чуть моложе, а на других – молодожены Андрей и Алеся...

Женщина сняла пыльные туфли и, не найдя тапочек, босиком прошла в квартиру. Но едва она заглянула в спальню, как Алеся, спавшая там после работы, разом – словно от толчка – открыла глаза.

– Мама?!

Стоя в двери спальни, женщина разглядывала свою дочь.

Алеся рывком села в кровати, сказала испуганно:

– Ма, чё случилось?

Но женщина продолжала молчать.

– Ма, я его не брошу, – предупредила Алеся.

Мать не отвечала.

– Зачем ты приехала? – спросила Алеся.

– Я не приехала, – негромко сообщила мать. – Я прилетела.

– Все равно! Я его не брошу, имей в виду!

– Ну хорошо, хорошо. Я же еще ничего не сказала... – мягко произнесла женщина и подошла наконец к Алесе. – Доченька...

Они обнялись.

– Мама, только не надо! – снова сказала Алеся. – Я знаю, зачем ты прилетела. Но я не могу... Я не могу его бросить...

Женщина погладила дочку по голове, сказала вкрадчиво, как больной:

– Милая, думаешь, я не понимаю?..

Но Алеся резко оттолкнула мать.

– Нет, мама! Всё! Я не хочу слушать! Вы меня достали! Все!

– Я же еще ничего не сказала...

– Уже сказала! Уже! Я люблю его, понимаешь?!

– Конечно, понимаю, – снова мягко сказала женщина. – Но он же... А тебе нужны дети, тебе двадцать лет...

– Хватит! Я это слышу каждый день! Уезжай!

Женщина обиженно поджала губы:

– Ты чё? Я из Донецка летела...

– Ты не можешь тут быть! Ты будешь смотреть на него! А он же все понимает! Он сделает что-нибудь с собой! Пожалуйста, уезжай! Прошу тебя!

– Что? Прямо сейчас? – изумилась женщина.

– Да! Сейчас! Сейчас, пока его нет! Где твои вещи?

– Ну знаешь! Ты все-таки думай, что говоришь! Я двое суток в дороге...

– А ты у меня спросила? – выкрикнула Алеся. – Ты же приехала увезти меня! Вот тебе!

Это *ты* отца бросила, и он спился...

– Он еще раньше пил, – сказала женщина.

– А твоя мама дедушку бросила, и он в забое метаном надыхался! Я порву эту генетику! Я не брошу Андрея!!! Не брошу!!!

Этот крик вырвался из открытых окон, и дети, игравшие во дворе, услышав его, перестали играть, застыли на месте.

И только когда Алесина мать вышла из подъезда со своими сумками и, глядя в землю, пошла к автобусной остановке, дети, проводив ее осуждающими взглядами, вновь запрыгали по «классам».

А в квартире Алеся, упав на колени, негромко выла:

– Господи! Что мне делать?! Я не хочу другого! Я мужа хочу!

В горном кишлаке, во дворе, затененном подвесным виноградом, юный гончар в яркой тюбетейке босой ногой вращал гончарный круг, вытягивая на нем высокое горло глиняного кувшина. Рядом разгуливали куры, гулькал индюк и маленький ослик помахивал хвостом, отгоняя назойливых мух.

А в тени крепкого инжирного дерева слепая ясновидящая старуха водила рукой по лицам Андрея и Алеся.

– Я вижу важное известие... Потом деньги... А потом... Ой! Трое детей!

Андрей отшатнулся.

– Дура, что ты несешь?
– Почему дура?! – обиделась старуха. – Я хорошо вижу. У вас будут два мальчика и девочка...

– Да пошла ты!

Резко развернув свое кресло, он покатил со двора к поджидавшему их такси. Алеся побежала за ним.

– Эй, а деньги?! – крикнула старуха.

Алеся догнала Андрея.

– Андрей, так нельзя, мы должны заплатить...

– За что? – выкрикнул он на ходу. – За то, что ты родишь не знаю от кого?!

А юный гончар, внук ясновидящей, подошел к своей бабке, зашептал ей что-то на ухо.

Но та изумленно воскликнула:

– Да она от него родит! Клянусь! Я же вижу!

Нестерпимое солнце огненным шаром висело над Гюльфарой.

«Форд» учительницы Фирузы выехал на тот перекресток, где побирался Андрей, и притормозил. Фируза огляделась по сторонам.

Мимо нее катили машины, гудели, останавливались у светофора и ехали дальше. Но Андрея нигде не было видно.

Фируза подошла к мальчишке, торгующему горячими лепешками, упрятыми в детскую коляску, спросила, где Андрей, но пацан лишь развел руками.

Тем не менее еще через час «форд» остановился у дома, где жили Андрей и Алеся. Фируза вышла из машины, поговорила с женщиной, выбивавшей ковер, и зашла в подъезд. Но, как и матери Алеся, никто не ответил на ее стук. И она толкнула дверь:

– Можно?

Странный беспорядок открылся ее глазам – в прихожей перевернутое инвалидное кресло, пыль, на полу гимнастерка с медалями, а на стуле коробка с недоеденной пищей и мухами над ней. И тишина.

Фируза осторожно зашла в квартиру, свернула на кухню и... в ужасе отшатнулась, наткнувшись на Андрея, валявшегося на полу рядом с пустой бутылкой водки. Действительно, сверху это тело без ног с оголенными культями и мозолями под коленями производило ужасное впечатление. Фируза застыла от неожиданности и только теперь встретилась взглядом с глазами Андрея. На небритом лице со спутанными и нечесаными волосами алкаша его совершенно трезвые (и оттого еще более ужасные) глаза смотрели на нее снизу вверх и – в упор. Просто два клинка, режущие болью своего отчаяния.

– Что с вами? Вам помочь? – наклонилась к нему Фируза.

– Да. Помоги, – произнес он хрипло.

– Как? Вас поднять? – Она оглянулась в поисках стула или кресла.

– Нет.

– А как? Где ваша жена?

– Закрой окно.

Фируза послушно подошла к открытому окну и закрыла его.

– Плотнее, – сказал он и сел на полу.

Фируза притянула створки плотнее.

– Так?

– Да. Спасибо. А теперь включи газ и уходи.

– Псих! – возмутилась она и тут же распахнула окно. – Где твоя жена?

– Я ее выгнал.

– Что-о?! Как выгнал?

– А так, – сказал он с хмельной самодовольной усмешкой. – По-хорошему не уходила – набил морду и выгнал.

– Идиот...

– Нет, я Чинарик! – закричал он. – Зачем ты меня спасла? Что я могу? Это? – Он показал ей палец. – Сделать тебе?

Фируза резко повернулась и пошла прочь из квартиры.

А он в истерике все кричал ей вслед:

– Да! Я Чинарик! Обрубок! А ты думала – герой? Нет! Иди и скажи своим детям, что герой повесился!

Выходя, Фируза хлопнула дверью, но тут же вернулась, на пороге нервно открыла свою сумочку.

– Ну? Что еще? – закричал Андрей. – Зачем пришла?

Фируза выхватила из сумочки несколько газетных вырезок, швырнула их на пол и выбежала из дома.

Сидя на полу, он слышал, как за окном заработал мотор ее «форда» и как укатила машина. Не вставая, на локтях он подполз к одной из газетных вырезок, прочел заголовок:

КИТАЙЦУ ПЕРЕСАДИЛИ ДОНОРСКИЙ ДЕТОРОДНЫЙ ОРГАН

Врачи китайского города Гуанчжоу провели операцию по пересадке донорского пениса. Операция по пересадке органа, взятого у двадцатилетнего погибшего донора, продолжалась 15 часов и завершилась полным успехом. Спустя 10 дней после операции было отмечено полное восстановление кровоснабжения пересаженного органа, у больного нормализовалось мочеиспускание, восстановилась эрекция...

Андрей остолбенело перечитал текст еще раз, затем поспешно переполз на локтях к следующей вырезке и прочел:

ИНДИЙСКИЕ ВРАЧИ ПЕРЕСАДИЛИ ПАЦИЕНТУ ПЕНИС

Хирурги из больницы города Калькутта осуществили успешную операцию по пересадке пениса. Пенис был взят от ребенка, родившегося с двумя аналогичными органами, и пересажен мальчику, не имеющему ни одного. Операция по пересадке заняла три часа. Родители спасенного для нормальной жизни ребенка объясняют случившееся Божьим промыслом. Сейчас врачи несут бессменную вахту у постели обоих поправляющихся детей...

Минут через двадцать он уже что есть сил катил по улицам Гюльфары. Без медалей, расхристанный, в помятой гимнастерке, под обжигающим солнцем. Но это было не важно! Так на фронте идут в лобовую атаку, так Рокки шел на ринг, так Ромео летел к Джульетте! Гудели и шарахались встречные машины, матерились водители, палило солнце – Андрей, не обращая внимания ни на что, ожесточенно толкал колеса своего кресла и знакомым путем спешил в центр города.

Вены вздувались на шее, мускулы – на плечах...

Гимнастерка взмокла от пота...

Наконец он на всех парах подкатил к парадному входу казино «Памир».

– Куда? Стой! – сказал охранник Билл.

– К жене!

– Ее тут нет.

– Как нет?

– А мы ее уволили. Еще вчера, – усмехнулся Билл. – Пришла с фонарем под глазом – кто ж ее будет держать?! Так что вали отсюда, Чинарик!

– Козел... – отъезжая, бросил ему в сердцах Андрей.

– Что?! – возмутился вспыльчивый Билл. – Я те сейчас рыло намылю!

Андрей резко повернул к нему кресло, по-боксерски поднял кулаки:

– Ну давай! Давай! Иди сюда!

Но Билл отмахнулся:

– Да пошел ты!..

Через час Андрей устало катил по кривым и пыльным окраинным улицам.

Навстречу ему плелись ишаки, груженные тяжелыми мешками, ехали раздолбанные «Нивы», армейские вездеходы, инкассаторский броневичок...

Потом асфальтовая мостовая закончилась, а по пыльной грунтовой дороге колеса его инвалидного кресла проходили с трудом, и он уже начал выбиваться из сил. Но никто не обращал на него внимания, и он продолжал устало толкать колеса своего кресла руками, на которые, в спешке покидая квартиру, он позабыл надеть перчатки. Теперь руки были уже оцарапаны, кровоточили. Но он все катил – вдоль какого-то грязного арыка, глухих глиняных заборов, над которыми торчали ветки алычи, тутовника и карагачей, и – наконец! – все ближе к небольшому восточному рынку. Тут, перед воротами рынка, стало куда многолюднее и ярче: с бесчисленных повозок, лотков и прилавков торговали пестрой восточной мелочью, фруктами, арбузами, кумысом, солнцезащитными очками, носками, хамсой, пестрыми халатами и еще бог знает чем. Среди этого многолюдья шныряли парни в джинсах и пестрых тубетейках. Почти не таясь, они громким шепотом предлагали встречным мужчинам и женщинам: «Анаша, гашиш, героин. Двинуться хочешь?.. Анаша, гашиш, героин. Всё есть, двинуться хочешь?..»

При входе на рынок, у ворот, еще не старая таджичка сидела подле тандыра, отбивала тесто и забрасывала его в тандыр, на раскаленную внутреннюю стенку.

– Лепешки! Лепешки! Горячий лепешки!

Андрей миновал рынок и соседнюю с ним чайхану над арыком. И насторожился – в чайхане, в глубине, под тенью миндального дерева сидели Лысый и чабан Файзи, пили чай. Увидев проезжавшего по улице Андрея, Лысый, прервав разговор, обменялся коротким взглядом с чабаном и жестом подозвал двух парней, стоявших у него за спиной, отдал им короткое приказание.

Андрей, конечно, заметил это, но деваться ему было некуда, и он, не подавая виду, прокатил дальше.

Два парня, сунув руки в карманы, вышли из чайханы и не спеша пошли следом за Андреем, выжидая, когда он отъедет подальше от рынка. Затем, когда он свернул за угол и выкатил на безлюдную окраину, побежали за ним, на ходу выдергивая из карманов обнаженные «финки».

Казалось, сейчас они на бегу всадят ему ножи в спину.

Тут Андрей резко развернул свое кресло им навстречу и не то зарычал, не то взревел, как безоружный дикарь при нападении тигров.

От неожиданности парни отскочили, но тут же, ухмыляясь и забавляясь, стали дразнить его своими ножами, подходя все ближе. Как загнанного зверя. А он, как затравленный зверь, крутил свое кресло то навстречу одному, то навстречу другому. И ревел обреченно.

Неожиданно послышался рев мощного мотора, из-за угла выскочил армейский БТР, на полной скорости он летел по улице, и казалось, сейчас он просто раздавит и Андрея, и его палачей.

Парни с ножами бросились наутек.

БТР, гася скорость, свернул в двух шагах от Андрея и врезался в глиняный забор. Из вездехода выскочили двое дюжих погранцов, одного из них Андрей тут же узнал – это был рыжий увалень, с которым он лежал в госпитале. Оба стали орать на Андрея:

– Какого хрена ты один тут ездешь, мудака?! Мы еле успели! Они б тут тебя зарезали на хрен!

Андрей чуть не прослезился.

– Спасибо, ребята. А как вы тут?..

– Нас вчера с границы дернули, в Россию отводят, – сказал Рыжий и показал на вышку, торчавшую поодаль: – Вон наша база! Мы тебя еще когда засекли! Думаем, куда он едет, блин?! Ты куда едешь?

Андрей кивнул на дом за глинобитным забором, в который врезался БТР:

– Сюда. Жену ищу. – И крикнул через забор: – Анжела! Анжела! – И объяснил десантникам: – Тут у жены подруга живет. – И снова закричал: – Алеся! Анжела!

Но его не слышали – на заднем, за низеньким домом, дворе гремела телепередача «Жизнь прекрасна». Маленький телевизор, по которому шла передача, стоял на открытом окне, а под окном Анжела и Алеся чистили от косточек вишню и кизил и в медных тазиках варили на керогазах варенье.

– Ты на себя посмотри, ты себя в зеркале видела? – говорила при этом Анжела. – В гроб и то лучше кладут.

– Отстань... – отмахнулась Алеся.

– Да не отстану я! Сколько ты будешь мучиться? И зачем? У меня же средство есть. – Из кармана своего сарафана Алеся достала пакетик, ложку и шприц. – Один укольчик – и всё, и жизнь прекрасна! Будешь?

Алеся вздохнула:

– Давай.

– Умница!

Анжела поцеловала Алеся в голову, высыпала в ложку белый порошок и стала греть ложку на огне своей зажигалки.

Тут, в паузе между песнями передачи «Жизнь прекрасна», вдруг прорвался крик Андрея.

Алеся шепотом попросила Анжелу:

– Меня нет. Иди скажи, что меня нет.

Анжела бережно отложила ложку, обошла дом по выложенной камнями дорожке и вышла из калитки на улицу, сказала елейно:

– Ой, Андрюша! А ее нет. С чего ты?.. – Но, увидев свой забор, в который врезался БТР, закричала десантникам: – Вы что, охренели?! Вы забор сломали! Я вас судить...

– Да ладно, золото! – приобнял ее Рыжий. – Ты ж такая красавица...

– Убери руки, хмырь! – вырвалась Анжела и закричала во двор: – Аля! Алеся! Звони в милицию!

– Ну зачем милицию? – сказал Рыжий. – Ну слегка наехали. Глиной замажешь. Хошь, мы тебе поможем? Всем взводом поможем. – И включил рацию, сказал в микрофон: – База! База! Я седьмой! Прием!

– Я первый, прием, – хриплым басом ответила рация.

– Тут одной красавице нужно взводом помочь, – сказал Рыжий. – Прием.

– Да вижу я ее, – ответила рация. – Счас роту пришлю. Прием!

Рыжий снова приобнял Анжелу:

– Ну? Видишь? Счас всё решим...

Анжела оттолкнула его:

– Руки!

Тут из калитки вышла Алеся и увидела Андрея – совершенно измочаленного. Их взгляды встретились. Андрей, из последних сил толкнув колеса своего кресла, покатил к Алесе. Кажется, он сейчас грохнется о камни колесами кресла и выпадет из него. Алеся бросилась ему навстречу, поймала его в распахнутые руки.

– Подожди. – Он достал из кармана гимнастерки несколько газетных вырезок. – Читай!

– Ты хоть представляешь, сколько это может стоить? – спросила Алеся.

В крохотной ванной, совмещенной с туалетом, Андрей, блаженно закрыв глаза, расслабленно лежал в ванне по плечи в воде. Алеся мыла ему голову, потом – мочалкой – плечи и спину.

– Нет, – сказал он. – Но не дороже жизни. Подстриги меня.

В центре города в интернет-кафе Фируза и Алеся сидели у компьютера, искали сайты и телефоны китайской и индийской больниц, где были сделаны сенсационные операции.

Андрей сидел позади них в инвалидном кресле, напряженно ждал.

– Есть! – сказала наконец Фируза, списала с экрана телефон индийской больницы и тут же набрала этот номер на своем мобильном телефоне. – Good morning! My name is Feiruz, I'm calling you from abroad. May I talk to general manager of your clinic?.. Well, I would like to know, how much may it cost. The same surgery you performed recently on the seven-month boy... Yes, that is right... Yes, transplantation... No, to adult person, wounded... How much?!¹

Огорченно дав отбой, она опустила глаза.

– Сколько? – хрипло выдохнул Андрей.

– Сволочи... – сказала Фируза.

– Сколько?!

Фируза подняла глаза.

– Двести тысяч.

– Долларов? – изумилась Алеся.

Фируза молчала.

– А в Китае? – спросила Алеся.

Но Андрей уже развернул кресло и выкатил из кафе на многолюдную улицу с ювелирными магазинами, бутиками и восточными коврами у входов в дорогие рестораны. Стоял полетному светлый вечер, но жара уже спала, в воздухе плыл запах цветущего жасмина, спелого тутовника и по-южному огромных роз. По мостовой катили дорогие иномарки, а по тротуару фланировала модно одетая публика.

Навстречу этой публике катил Андрей с окаменевшим лицом и застывшими от безнадёги глазами. Фируза и Алеся медленно шли сзади.

Инкассаторский броневичок стоял у казино «Мираж», охранники в камуфляже и с автоматами преграждали дорогу пешеходам, инкассатор с тяжелым брезентовым мешком быстро прошел в казино...

– Ну, я думала, пять тысяч, ну десять. Я бы в школе пошла по родителям, – говорила на ходу Фируза и вдруг остановилась от новой идеи. – А может, через газету? Объявить сбор денег...

Алеся усмехнулась с сарказмом:

– Сбор денег на **ЧТО?**

Фируза, обескураженно выдохнув, двинулась дальше.

¹ Доброе утро! Меня зовут Фируза, я звоню из-за границы. Могу я поговорить с главным менеджером вашей больницы? Я хотела бы знать, сколько может стоить такая операция, какую вы недавно сделали семимесячному мальчику... Да, правильно... Да, пересадка... Нет, это взрослый... Сколько?! (англ.)

Алеся замедлила шаг у витрины магазина «Одежда для малышей». Тут ей навстречу вышла из магазина молодая мать с легкой детской коляской-строллером, в которой сидел полуторагодовалый малыш. Весело болтая ногами, он сосал палец и с интересом разглядывал Андрея в его инвалидном кресле. Андрей невольно посмотрел на болтающиеся ноги малыша.

Две молодые женщины – Алеся и мать ребенка – как-то разом углядели эту сцену, посмотрели друг другу в глаза и... Алеся, опустив взор, медленно прошла мимо. Но не удержалась и через несколько шагов оглянулась на эту счастливую мать с ребенком.

* * *

На рассвете, когда над городом летел протяжный крик муэдзина и Алеся еще спала, Андрей выехал в инвалидном кресле из дома – как и прежде, в гимнастерке и при медалях. Прокатив привычным путем к центру города, он только на минуту задержался у ворот мясокомбината, поговорил с пожилым вахтером в стоптанных валенках. Тот сначала отрицательно качал головой, потом пожал плечами. Но Андрея, как видно, устроил и такой ответ, он воодушевленно отъехал и в этот день с еще большим рвением попрошайничал в потоках машин на своем перекрестке.

А к вечеру, устало отъехав в какую-то подворотню, пересчитал выручку. Она была рекордной, но по дороге домой он вновь остановился у ворот мясокомбината и всю эту выручку отдал вахтеру. Тот снова пожал плечами и впустил Андрея на территорию мясокомбината, через двор и мимо разделочной пилы провел в цех забоя и разделки скота.

Здесь было темно и пусто.

Вахтер показал Андрею какой-то закуток, где Андрей мог спрятаться. Они закурили.

– И будешь тут всю ночь сидеть? – спросил вахтер. – На хрена тебе это надо?

– А ты, когда с бабой, кайф ловишь? – ответил Андрей.

– Спрашиваешь!

– А я уже нет. У меня другой кайф – смотреть, как овец режут, кур, коров. У меня от этого крыша плывет.

– Да? – удивился вахтер. – Ну-ну... Каждому свое... Ладно, бывай. Утром будут эти каракульские овцы. Но если что – я тебя не видел.

– Само собой. Неужели таких овец на мясо пускают?

– И на мясо, и на шерсть. Ну, я пошел.

Ночью в камерке пустого цеха ему снился родной Повольск и городской фонтан, сквозь струи которого он когда-то нес на руках свою невесту – Алеся...

На рассвете блеяние отары овец и скрип железных ворот прервали этот сон. Он открыл глаза и сквозь щели в стене своей камерки увидел, как работники мясокомбината и чабан Файзи загоняют в цех отару каракульских овец.

Как ни странно, едва переступив порог цеха, овцы смолкли, перестали блеять и обреченной гурьбой сгрудились в дальнем углу. «Молчание ягнят», вспомнил Андрей знаменитый фильм. И теперь увидел это воочию: обреченные на смерть овцы не сопротивлялись, не упирались, не блеяли, а словно в оцепенении или в молчаливой молитве сгрудились в углу голова к голове. Казалось, они уже знали или почувствовали свою участь и обреченно ждали той последней минуты, когда забойщики поднимут очередную жертву на конвейер, забьют электрошоком, спустят кровь и освежают, снимая драгоценную шкуру каракуля...

В одном из этих забойщиков Андрей узнал своего палача – того самого широколицего, который пырнул его ножом и с хохотом сбросил со скалы в горное озеро.

Теперь этот широколицый сноровисто извлекал из разделанных туш длинные, как сардельки, белые контейнеры – или, попросту говоря, презервативы с белым порошком – герои-

ном, обмывал их под струей воды и передавал чабану Файзи. При этом какой-то особый тошнотворный запах смерти и нечистот заполнял цех, но никто – ни забойщики, ни бандиты, ни даже Андрей в своем закутке – не обращал на это внимания. Чабан не спеша мял пальцами каждый контейнер, проверяя их по негромкому шороху героина внутри, затем складывал эти контейнеры в брезентовые инкассаторские мешки, откатывал металлическую дверь цеха и выносил во двор, где стоял инкассаторский броневик с хорошо различимой надписью «INKASATSLIA». Там, у открытой дверцы броневичка, Лысый принимал мешки и бросал их в броневик двум «шкафам» в камуфляже, а те аккуратно укладывали их рядами на пол.

Видя из своего закутка всю эту банду – Лысого, чабана и особенно широколицего, – Андрей в бессильном бешенстве сжимал поручни своего инвалидного кресла.

Черт возьми, где его пистолет?!

Через час, когда была забита последняя овца и извлечен последний контейнер с героином, инкассаторский броневик вместе с Лысым и чабаном Файзи покинул мясокомбинат, туши забитых овец уплыли на крюках конвейера в заводской холодильник, и забойщики мощной струей воды замыли окровавленный цементный пол...

С треском раскалывался под ножом огромный арбуз. В большом тазу не убывала гора салата из густо-красных помидоров, зеленых огурцов, перца и зелени. На углях сразу двух десятков мангалов жарились шашлыки из баранины, свинины и овощей. В тандыре запекались лепешки. На плите булькал в кастрюлях лагман.

Прямо с огня, с пылу с жару, официантки в пестрых восточных халатах и тюбетейках выносили посетителям чайханы подносы с чаем и едой. Посетители – а в утренние часы это были в основном женщины с грудными детьми – сидели в тенистых беседках на широких топчанах вокруг низких столов. Рядом с беседками по искусно выложенным камням струились искусственные арыки, украшенные кустами цветущих роз и карликовых вишен.

В одной из самых популярных в городе шашлычных Алеся теперь работала официанткой.

Андрей заехал с улицы в чайхану, по коврам прокатил меж столиков в сторону кухни.

Увидев его лицо, Алеся застыла с подносом в руках.

– Где мой ствол? – сказал он с ходу.

– Что случилось? – испугалась она.

Но он лишь повысил голос:

– Где пистолет?!

– Я же сказала: я его выбросила. А что случилось?

– Ты врешь!

– Клянусь! Пожалуйста, что случилось?

– Он был в банке, а теперь его нет. Куда ты его?..

Посетители перестали есть и смотрели на них со всех сторон, хозяин шашлычной поспешно направился в их сторону.

Алеся испуганно зашептала:

– Прошу тебя – уйди. Если меня и отсюда уволят...

– Хорошо. Я уйду. Но ты мне поможешь.

– Все, что хочешь. Только уйди! – Алеся повернулась к хозяину шашлычной: – Все в порядке, в порядке...

Собственно, помочь ему могла не столько Алеся, сколько Фируза с ее «фордом». Припарковав этот «форд» в ста метрах от ворот мясокомбината, Фируза и Алеся из машины вели наблюдение, совсем как киношные следователи из телесериалов. Вот из-за угла появляется отара, которую гонит чабан... Вот отара проходит в ворота мясокомбината... Вот к мясоком-

бинату подъезжает инкассаторский броневичок и заезжает в ворота... Вот броневичок выезжает...

Фируза заводит свой «форд» и следует за броневичком...

Инкассаторский броневик (а за ним «форд» с Фирузой и Алесей) колесит по городу, останавливаясь поочередно у молодежной дискотеки, казино «Памир», чайханы у рынка, ресторанов «Огни Гюльфары» и «Али-Баба»...

И каждый раз Фируза и Алеся, сидя поодаль в «форде», видят, как из броневика выносят брезентовые мешки и в сопровождении вооруженной охраны заносят в эти заведения...

Алеся отмечала эти «точки» на карте города, а Фируза меж тем рассказывала ей о себе:

– Он был эстонец. Матти Суукэн. Блондин, глаза синие. Но у нас в Средней Азии не бывает светлых детей. Даже если мы за альбиноса замуж выйдем, нашу кровь нельзя осветлить. А у меня Катя родилась блондинкой. И мой отец просто взбесился. Сначала на меня орал, потом на мужа, а потом... Принес мне видеозапись – мой Матти в сауне с проститутками парится. Ну и развел нас. Хотя теперь я думаю – а что, если отец это сам подстроил?

Стоя на вышке и глядя в бинокль на дорогу, ведущую от города к военгородку, постовой доложил по рации:

– Первый! Первый! Я пятый! К нам Чинарик катит. Как понял? Прием.

– Понял, – ответила рация. – Счас доложу...

Постовой перегнулся через поручень:

– Эй! Андрей! Ты чё по такой жаре?

– Волка ноги кормят, – съязвил на ходу Андрей и покатил дальше, к воротам военгородка, обнесенного высоким забором.

Неожиданно за этим забором взвыла сирена.

Андрей изумленно остановился, а там, за забором, в военгородке сирена продолжала гудеть боевую тревогу, и по этой тревоге из штаба, казарм, столовой и других помещений стремительно выскакивали пограничники с оружием, поротно строились на плацу.

Потом сирена смолкла, ворота КПП открылись, и Андрей увидел пограничный полк, построенный на плацу. А также – издали – командира полка, который вышел из штаба, командовав:

– По-о-olk, смирна! Равнение направо!

Вытянувшись по стойке «смирно», солдаты, сержанты и офицеры полка взяли равнение на КПП, и только теперь Андрей, сидя в своем инвалидном кресле перед воротами КПП, опознал в командире полка своего бывшего командира майора Власова. Теперь на его погонах появилась еще одна звездочка...

– Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! – громко объявил подполковник Власов. – Гордости наших пограничных войск, героическому борцу с наркотрафиком и бандитизмом, старшему сержанту запаса Андрею Стахову наше трехкратное ура! Ура-а-а!

Четыреста глоток с воодушевлением раскатили:

– Ура-а-а!.. Ура-а-а!.. Ура-а-а!..

Печатным строевым шагом Власов подошел к Андрею, остановился в нескольких шагах от него по стойке «смирно», взял под козырек и доложил с озорством в глазах:

– Товарищ старший сержант запаса! Следуя вашему героическому примеру и осуществляя помощь местным погранвойскам, третий полк нашей пограничной дивизии за время, прошедшее с вашего увольнения, задержал 311 нарушителей границы, изъял у бандитов и наркокурьеров четыреста единиц огнестрельного оружия и уничтожил две тонны наркотиков! В настоящее время, в связи с заключением межправительственного соглашения о передаче всей

границы силам местных погранвойск, производит подготовку к отъезду личного состава домой, в Россию. Докладывал командир полка подполковник Власов. Разрешите дать «вольно».

Андрей, растерявшись от такого приема, негромко произнес:

– Вольно...

– Полк, вольно!!! – крикнул Власов. – Качать героя!

Солдаты – и среди них рыжий десантник – с криком «Ура-а!» бросились к Андрею, подхватили его на руки, подняли над головами и понесли в городок.

– Слушай, а ты правда по пыли тогда допер, что в машине наркотик? Или ты развел генерала?

Власов и Андрей обедали в офицерской столовой. Андрей улыбнулся:

– Конечно, развел.

– А как же ты на самом деле?..

– Интуиция.

Оба рассмеялись.

– Я жутко рад тебя видеть! – сказал Власов. – Если что нужно – мы тут еще пару недель.

– Нужно, – сказал Андрей. – Лысый уже на свободе.

– Иди ты! – изумился Власов. – Он же получил восемь лет!

– Он получил восемь лет не за меня, а за наркоту. А за меня он еще ничего не получил.

Власов сокрушенно покачал головой.

– Ты помнишь отары, которые Файзи перегоняет через границу в Китай и обратно?

– Ну...

– Это не одна отара. Это каждый раз разные.

Власов, отложив ложку, в упор посмотрел на Андрея.

– В каждой овце полтора кило героина. Ясно?

– Откуда ты знаешь? – спросил Власов.

– Я был на мясокомбинате. Файзи и Лысый – партнеры. – Андрей положил на стол карту города с красными крестиками в разных местах. – Вот карта их «точек» по городу. Ты мне поможешь?

– Но мы уже всё, – растерянно сказал Власов, – мы теперь только советники у местных...

Но Андрей перебил:

– Я спрашиваю: ты *мне* поможешь?

– Андрей, при чем тут?! – с мукой в голосе сказал Власов. – Мы через две недели уходим.

Ну посадишь ты Лысого и чабана. Завтра на их место придут такие же. Это же Восток!

Андрей отложил ложку, оттолкнулся в кресле от стола и покатил к выходу.

– Подожди, Андрей! – крикнул Власов.

Но Андрей не остановился.

Власов сорвался с места, догнал его.

– Стой, мать твою! Ну пойми! Я только три месяца, как полк получил!

– За меня... – бросил Андрей, выезжая из столовой.

– За тебя, да! За ту операцию! Ну проси что хочешь! Но я не хочу больше лезть в это дерьмо! Я хочу живым уехать к жене и дочке!

Андрей, не отвечая, катил по военгородку к КПП – мимо плакатов «КРЕПИ ОБОРОНУ!», «ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ!» и Доски почета с его, Андрея, портретом.

Власов, остановившись, смотрел ему вслед.

Толпа зрителей – местных жителей и российских солдат – запрудила не только площадь Свободы, но и все улицы, стекающиеся к ней. Потому что над площадью висели воздушные

шары и транспаранты в честь Дня независимости Гюльфары, а посреди площади на дощатой сцене выступала модная певица со своей молодежной группой.

Проехав сквозь толпу, Андрей подкатил к особняку за площадью. Над парадным входом в особняк висел государственный флаг республики. Под ним на стене была красивая свежая вывеска:

**РЕСПУБЛИКАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК**

Несмотря на праздник, у входа в управление царила деловая армейская обстановка – подъезжали и отъезжали армейские машины и гражданские «лексусы», офицеры с деловыми папками и кейсами пробегали из машин в управление и обратно. Из открытых окон были слышны телефонные звонки.

* * *

Андрей остановился перед охранником в новеньком американском камуфляже, с автоматом на груди.

– Салам алейкум!

– Ну... – ответил охранник.

– Не «ну» надо говорить, а «алейкум салам».

– Ну... – повторил охранник.

– Дуру гну! Вызови начальника.

– Какого тебе начальника?

– Твоего. Начальника караула.

– Для чего?

Тут из подъезда вышел офицер, начальник караула, спросил:

– И в чем дело?

– Я Стахов.

– Ну знаю. Герой Чинарик. И что?

– Мне к генералу Таджибаеву.

– А он тебе назначал?

– Он мне нужен! По срочному делу!

– Ну, когда назначит, тогда придешь, да!

И начальник караула повернулся, чтобы уйти. Но Андрей вышел из себя и крикнул, тыча пальцами в свои медали:

– Эй! Стой! Ты это видишь, блин? Я отличник пограничной службы! Мне нужен...

Начальник караула сокрушенно покачал головой:

– Как вы нам надоели! Когда вы уже уё... уедете в свою Россию?

Услышав крик у подъезда, в открытое окно верхнего этажа выглянул генерал Таджибаев, сказал сверху:

– Ахмед! Пусти его.

Начальник караула тут же вытянулся по стойке «смирно»:

– Слушаюсь, господин генерал!

И, мгновенно изменившись, услужливо забежал Андрею за спину, схватился за спинку его инвалидного кресла и бегом покатил Андрея в вестибюль, к лифту.

А на третьем этаже генерал Таджибаев, радушно распахнув руки, уже шел по коридору навстречу Андрею.

Выкатив Андрея из кабины лифта, начальник караула снова вытянулся по стойке «смирно», взял под козырек:

– Господин генерал! По вашему приказанию...

– Свободен! – небрежно отмахнулся генерал и радушно сказал Андрею: – Здравствуй, дорогой! Как живешь? Что нужно?

– Поговорить. Я раскрыл сеть...

– Опять? – перебил генерал. – Заходи сюда.

И генерал открыл дверь в комнату рядом со своим кабинетом.

– Пожалуйста, посиди тут пять минут – у меня совещание. Сейчас тебе дадут чай, всё дадут. Я буду через пять минут.

Оставшись один, Андрей огляделся по сторонам. Это была богатая комната для переговоров – длинный красивый стол, массивные стулья, дорогая мебель, резные книжные шкафы вдоль стен, а в проемах – большие, в рамках, фотографии генерала с известными политическими деятелями России, Европы и США...

Андрей подъехал к окну. Из окна был замечательный вид, но не на площадь Свободы, а в другую сторону – на Тянь-Шань и на горные вершины в снежных шапках.

Но Андрей не успел налюбоваться пейзажем, как дверь открылась и молодая длинноногая секретарша в приталенной армейской форме, с русой косой, высокой грудью и овальными бедрами вкатила тележку с чаем и фруктами.

Андрей тронул свое кресло, чтобы подъехать к столу.

– Не надо, сидите! – сказала секретарша, подкатывая тележку к Андрею. – Я все подам.

– Спасибо, – сказал он. – Тут вид замечательный.

– Да, это лучшая точка в городе! Вам чай или кофе?

Но Андрей, глядя за окно, вдруг застыл, забыв и про чай, и про кофе.

– Извините, – повторила секретарша, – вам чай или кофе?

– А?

– Вам чай или...

Андрей по-прежнему смотрел в окно. И было на что.

Внизу, к боковому входу в управление подкатил инкассаторский броневичок, из него бодро вышел Лысый с брезентовой инкассаторской сумкой и зашел в управление мимо охранника, который отдал ему честь.

Андрей перевел взгляд на секретаршу.

– Я говорю: чай или кофе? – снова сказала она.

– Ничего. Идите, – ответил Андрей и настойчиво повторил: – Идите.

Секретарша, обиженно поведя плечиком, ушла на своих модельно-кегельных ногах, закрыла за собой дверь.

Андрей подкатил к двери, чуть-чуть, на сантиметр, открыл створку и затаился, глядя в эту щель.

Спустя минуту из лифта вышел Лысый, прошел мимо двери переговорной в кабинет генерала.

Андрей осторожно выкатил из переговорной, вызвал лифт и с напряжением ждал его, глядя в сторону кабинета генерала.

Наконец двери лифта открылись, он заехал в кабину, нажал кнопку, а затем на первом этаже прокатил через вестибюль на выход. Начальник караула отдал ему честь.

Андрей выкатил из здания на улицу и, сдерживая себя, не спеша покатыл прочь, к толпе на площади.

Тем временем там, в управлении, генерал Таджикибаев и Лысый открыли дверь переговорной комнаты и с изумлением остановились.

– Он был здесь только что... – сказал генерал.

Но когда они выбежали из управления на улицу, Андрей уже скрылся в толпе у сцены, на которой выступала очередная молодежная группа.

- Давно надо было его убрать! – с укором сказал Лысый генералу.
- Мы убрали его с заставы. А в городе он кому мешал? – оправдался генерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.